

Издательство
АСТ

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ

Легенды о Христе

Москва
Издательство АСТ
2024

УДК 821.113.6-93
ББК 84(4Шве)-44
Л14

Перевод с шведского *Н. Смоленского*
Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*
Иллюстрация на обложке *А. Дудина*

Лагерлёф, Сельма.

Л14 Легенды о Христе / Сельма Лагерлёф ; [перевод с шведского Н. Смоленского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Школьное чтение).

ISBN 978-5-17-169791-4

Сельма Лагерлёф (1858–1940) — шведская писательница, первая женщина, получившая Нобелевскую премию по литературе (1909).

Во всем мире Сельму Лагерлёф знают как автора знаменитой сказочной книги «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».

«Легенды о Христе» (1904) — добрая и пронзительная книга сказок и легенд — образец литературной обработки услышанных автором в детстве от бабушки устных преданий «народного христианства», передающего сюжеты библейского Нового Завета, и жития святых, и веками хранившиеся в народной памяти апокрифы.

Рождество и злодеяния царя Ирода, бегство в Египет, детство Христа и его взрослые годы, Крестный путь и казнь на Голгофе, Воскресение и последовавшие за ним события — вот лишь часть того, что средневековые горожане и крестьяне Скандинавии из уст в уста передавали своим детям.

Все истории, рассказанные в книге, обязательно отзовутся в душе каждого высоким духовным подъемом, стремлением к добру, красоте, справедливости.

УДК 821.113.6-93
ББК 84(4Шве)-44

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024
© Дудин А.Л., ил. на обл., 2024

Предисловие

Христиане по имени, мы язычники по своим мыслям, чувствам и поступкам.

Эгоизм — вот основа человеческих побуждений. Но душа человека по природе христианка, она тоскует, задыхается в атмосфере эгоизма, она инстинктивно стремится к христианским идеалам, ищет Христа и жизни по Его заветам.

Напрасно люди стали бы искать в современной художественной литературе удовлетворения христианским запросам души. Произведений художественной литературы, в которых отражались бы христианские идеалы, теперь почти нет. Рассказы Сельмы Лагерлёф — одна из немногих в современной художественной литературе книг, проникнутых христианскими идеалами. Её рассказы —

не исторические повествования, это — благочестивые сказания, навеянные христианскими преданиями и настроениями. И всякий, в чьей душе не погасла искра Божия, найдёт в книжке Лагерлёф отзвуки высоких христианских порывов и христианских настроений, найдёт отдых и успокоение от мелких эгоистических интересов обывденщины.

Святая ночь

Когда мне было пять лет, меня постигло большое горе. Я не знаю, испытывала ли я впоследствии горе бóльшее, чем тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала чудные вещи.

Я не помню бабушку иной, как сидящей на своём диване и рассказывающей с утра до ночи нам, детям, притаившимся и смирно сидящим возле неё; мы боялись проронить хоть слово из рассказов бабушки. Это была очаровательная жизнь! Не было детей более счастливых, чем мы.

Я смутно помню образ бабушки. Помню, что у неё были прекрасные, белые, как мел, волосы, что она была

очень сторбленная и постоянно вязала свой чулок.

Ещё помню, что, когда бабушка кончала рассказ, она клала свою руку мне на голову и говорила:

— И всё это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня.

Помню, что бабушка умела петь красивые песни; но пела их она не каждый день. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и морской деве, к этой песне был припев:

«Как холодно веет ветер, как холодно веет ветер по широкому морю».

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О всех рассказах бабушки сохранилось у меня лишь слабое, неясное воспоминание. Только один из них помню я так хорошо, что могу рассказать. Это — маленький рассказ о Рождестве Христовом.

Вот почти всё, что у меня сохранилось в памяти о бабушке; но лучше всего я помню горе, охватившее меня, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диван остался пустым, и было невозможно себе представить, как провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Нас, детей, привели, чтобы проститься с умершей. Нам было страшно поцеловать мёртвую руку; но кто-то сказал нам, что последний раз мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

Помню, как ушли сказания и песни из нашего дома, заколоченные в длинный чёрный гроб, и никогда не вернулись.

Помню, как что-то исчезло из жизни. Будто закрылась дверь в прекрасный волшебный мир, доступ в который нам был до того совершенно свободен. С тех пор не стало никого, кто смог бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось нам, детям, учиться играть в куклы и другие игрушки, как играют все дети, и постепенно мы научились и привыкли к ним. Могло показаться, что заменили нам новые забавы бабушку, что забыли мы её.

Но и сегодня, через сорок лет, в то время, как разбираю я сказания о Христе, собранные и слышанные мною в далёкой чужой стране, в моей памяти живо встаёт маленький рассказ о Рождестве Христовом, слышанный мной от бабушки. И мне приятно ещё раз его рассказать и поместить в своём сборнике.

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоём были одни во всём доме; только мы с бабушкой не могли поехать со всеми, потому что она была слишком стара, а я слишком мала. Обе мы были огорчены, что не услышим Рождественских песнопений и не увидим священных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на бабушкином диване, бабушка начала рассказывать:

«Однажды глубокой ночью человек пошёл искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался.

— Добрые люди, помогите мне! — говорил он. — Дайте мне горячих уг-

лей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Человек шёл всё дальше и дальше. Наконец увидел он вдали огонёк. Он направился к нему и увидел, что это — костёр. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторожил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошёл к стаду; три огромные собаки, лежавшие у ног пастуха, вскочили, услышав чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, как будто хотели залаять, но звук лая не нарушил ночной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте острые зубы ослепительной белизны, и собаки бросились на него. Одна из них схватила его за ногу, другая — за руку, третья — вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слушались собак, они не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малейшего вреда.

Человек хотел подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог дальше идти вперёд. Тогда человек взобрался на спины животных и пошёл по ним к огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась».

До сих пор я, не перебивая, слушала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спросить.

— Почему не пошевелились овцы? — спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь немного погоды, — ответила бабушка и продолжала рассказ:

«Когда человек подошёл к огню, заметил его пастух. Это был старый, угрюмый человек, который был жесток и суров ко всем людям. Завидев чужого человека, он схватил длинную остроконечную палку, которой гонял своё стадо, и с силой бросил её в незнакомца. Палка полетела прямо на человека, но, не коснувшись его, повернула в сторону и упала где-то далеко в поле».

В этом месте я снова перебила бабушку.

— Бабушка, почему палка не ударила человека? — спросила я; но бабушка мне ничего не ответила и продолжала свой рассказ:

«Человек подошёл к пастуху и сказал ему:

— Добрый друг! Помоги мне, дай мне немного огня.

Только что родился Младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Малютку и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу. Но когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, что овцы не разбежались перед ним и палка не попала в него, как будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко и он не осмелился отказать незнакомцу в его просьбе.

— Возьми, сколько тебе надо, — сказал он человеку.

Но огонь уже почти потух. Сучья и ветки давно сгорели, оставались лишь кроваво-красные уголья, и человек с заботой и недоумением думал о том, в чём донести ему горячие уголья.

Заметя затруднение незнакомца, пастух ещё раз повторил ему:

— Возьми, сколько тебе надо!

Он со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но незнакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и положил их в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец пошёл спокойно назад, как будто нёс в своём плаще не горячие уголья, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:

— Бабушка! Почему не обожгли уголья человека и не прожгли ему плащ?

— Ты скоро это узнаешь, — ответила бабушка и стала рассказывать дальше:

«Старый, угрюмый, злой пастух был поражён всем, что пришлось ему увидеть.

— Что это за ночь, — спрашивал он сам себя, — в которую собаки не кусаются, овцы не пугаются, палка не ударяет и огонь не жжёт?

Он окликнул незнакомца и спросил его:

— Что сегодня за чудесная ночь? И почему животные и предметы оказывают тебе милосердие?

— Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь, — ответил незнакомец и пошёл своей дорогой, торопясь развести огонь, чтобы согреть Мать и Младенца.

Но пастух не хотел терять его из вида, пока не узнает, что всё это значит. Он встал и пошёл за незнакомцем, и дошёл до его жилища.

Тут увидел пастух, что человек этот жил не в доме и даже не в хижине, а в пещере под скалой; стены пещеры были голы, из камня, и от них шёл сильный холод. Тут лежали Мать и Дитя.

Хотя пастух был чёрствым, суровым человеком, но ему стало жаль невинного младенца, который мог замёрзнуть в каменной пещере, и старик решил помочь Ему. Он снял с плеч мешок, развязал его, вынул мягкую, тёплую пушистую овечью шкурку и передал